

ВЕЖОМ

— Я счастлива, что в этом году вручение высших наград французского кино проходило под «знаком Габена», жаль только, что это событие несколько запоздало. Каждый раз, когда его фильмы демонстрируются по телевидению, когда я знакомлюсь с людьми, я вновь и вновь убеждаюсь, что восхищение Габеном не ослабло с годами. В довоенном и послевоенном кино Франции он представляет собой уникальное явление!

— Что вы испытываете, когда опять смотрите эти фильмы?

— Я вижу только его... Но всякий раз я вижу актера и очень редко — моего мужа. Для меня всегда существовали два Габена — актер и муж, да и для него самого работу и дом разделяла четкая граница... Дом, семья были святынями. Жан был человеком очень «домашним». Возвращаясь со студии, он обычно устраивался

«Он ходил вразвалочку, ставя ноги одну параллельно другой, у него были голубые глаза, тонкие губы и чуть коротковатые руки; когда он бросал взгляд на девушек, они оборачивались, а с тех, кто строил из себя «настоящих мужчин», вмиг слетала их самоуверенность. Таков был Габен. Нисколько не походя на кумиров нынешней молодежи, он являл собой образец мужской силы для целого (или даже двух) поколений. И какой «малыш», как он выражался, не мечтал походить на него, не пытался перенять его знаменитую походку! Говорят, в наши дни, чтобы прославиться, киноактеру надо появиться на экране обнаженным рядом с обнаженной актрисой. Вы можете себе представить Габена в подобной ситуации! Раньше было достаточно одного взгляда, чтобы о человеке все стало понятно. Мы были поэтами, а Габен — Парсифалем, доблестным рыцарем окраин наших городов. Вот как входят в легенду, молодые люди. Одного обнаженного тела для этого мало. Могучий дуб рухнул десять лет назад. И до сих пор никто не может его заменить».

Так писали о Габене прошлой осенью, отмечая годовщину его смерти. во Франции, таким вспоминают его современники, так они оценивают его место во французском кино. Нынешней весной Академия художеств и кинематографии Франции еще раз воздала должное памяти этого выдающегося актера, наградив его посмертно «Цезарем» — своей высшей наградой. В связи с этим событием вдова Жана Габена, Доменик, впервые согласилась дать несколько интервью крупнейшим парижским журналам. Выбрав наиболее интересные вопросы из двух бесед с мадам Габен, напечатанных в недавних выпусках «Пари-матч» и «Сине-ревью», мы публикуем сегодня ее воспоминания о муже.

вались у известного парижского портного, для «Улицы Прери» — покупались на барахолке, он сам прекрасно понимал, что ему в данном случае надо. В жизни он предпочитал одеваться очень просто. Ухаживая за мной, он был великолепен, элегантен: всегда в крахмальной рубашке, в галстуке и с платочком в нагрудном кармане. Но едва мы поженились и он понял, что я принимаю его целиком таким, каков он есть, он очень быстро распросился с галстуком и рубашкой, чтобы перейти на шерстяные «водолазки», а вскоре появилась и кепка.

— Похоже, будто Габен был рад тому, что казался старше своих лет, солиднее, был рад своему весу...

— Это верно. Его звали «старик», и меня это, признаться, ужасно раздражало... Как актер Габен был доволен и своим весом, и своей внешностью, потому что они позволяли играть роли,

Жан Габен — актер и муж

перед телевизором. Почти никогда не говорил о кино, разве только о каком-нибудь чрезвычайном событии или о неувязках на съемочной площадке, а об этом можно было угадать по его лицу, по его насупленному виду, по отсутствию улыбки. Он объяснял мне, что произошло, и мы обсуждали случившееся. Иногда он знал, что был неправ и зашел слишком далеко.

— Он извинялся, если был неправ?

— Нет, никогда. Все знали, что у него был нелегкий характер. А поскольку он не любил признаваться в своей неправоте, то потом старался поступать таким образом, чтобы окружающие поняли, что он осознал свою ошибку. Во время съемок он каждый день звонил со студии и интересовался, что ему приготовить к обеду. Он любил хорошую, домашнюю кухню. После обеда читал газеты, смотрел телевизор. Я любила играть в карты, он — нет. Но иногда, чтобы доставить мне удовольствие, он соглашался на одну партию. Играл он был плохой. Если он выигрывал, то обвинял меня в том, что я плохо играю. Если проигрывал — виновато было небо...

— У Габена были свои «приближенные», как у многих актеров?

— Нет, он был «волк-одиночка». Конечно, у него были друзья, с которыми он любил встречаться. Вот на таких встречах, случайно, я узнавала массу интересного о моем муже от него самого, о его дебюте в мюзик-холле, о знаменитостях, о Голливуде... Наши дети никогда не присутствовали на этих встречах, и мы очень редко брали их с собой. Сейчас мне жаль, что они не слышали рассказов своего отца...

— Он не любил старых воспоминаний?

— Нет, он не хотел, чтобы дети считали его хвастливым актерской.

— Кого из актеров он любил?

— Его очень забавлял Фернандель, он любил его южный акцент, его жизнерадостность. Они были полными противоположностями, и это восхищало Габена... В фильме «Обезьяна зимой» он говорит Бельмондо: «Ты мне напоминаешь меня в 20 лет». Это было в тексте диалога, но могло бы прозвучать и в действительности. Он восхищался Жаном Полем, как и Деломом, которого звал «малышом». Он прекрасно ладил с обидными. У него вообще всегда были замечательные отношения с актрисами

и актерами, работавшими рядом. Он был очень внимателен к дебитантам, старался им помочь.

— Говорят, что он открыл Лино Вентура?

— Нет, Жан увидел его в кинопробах Жана Беккера, снимавшего картину «Не тронь добычу». Я прекрасно помню, он вернулся вечером домой и сказал: «Я сегодня видел одного типа, он просто сделан для кино. Фантастический тип!» Это и был Лино. Габену очень нравились его естественность, актерский инстинкт, прямота, сдержанность. В отличие от многих мой муж любил сниматься с первоклассными артистами. Он стремился к тому, чтобы фильм был «стопроцентным». Для него это было крайне важно. После «Добычи», когда появилась новая, достойная его роль, он говорил: «Может быть, и Лино пригласить?»

С помощью телевидения он открыл для себя Мари-Жозе Нат и Мари Дюбуа. Она стала его партнершей в «Улице Прери», другая — в «Неблагодарном возрасте». Он никогда не ходил в кино: боялся толпы. Сидя перед экраном телевизора, он представлял порой, что «открывает» актеров. А ведь все вы-

руг их уже прекрасно знали. Однажды он увидел американский фильм, который произвел на него огромное впечатление. На следующий день, на съемке, он всем рассказывал об актере, чье имя никак не мог вспомнить: не то Нерман, не то Наман... А речь шла о Поле Ньюмене, давным-давно снявшем признание публики.

— Каким он был дома, когда снимался?

— Возможно, немного более уставшим, более напряженным... Это зависело от фильма. Так называемые «полицейские картины» были для него относительно легкими, но когда он снимался в «Президенте» и в «Сильных мира сего», где он играл достаточно далеких ему героев, он был поглощен работой гораздо в большей степени. Однако я никогда не видела его репетирующим. Я поражалась его памяти. Это был природный актер. Он очень медленно прочитывал сценарий, а к концу уже «одевал» своего персонажа и знал, как будет его играть. От костюма героя зависело очень многое. И здесь с ним никогда не случалось «накладок». Играл Мерге, он шел покупать костюм в большой универсам. Для «Сильных мира сего» костюмы заказыв-

которые он никогда не получил бы, останься по-юношески стройным.

— Он был строг с детьми?

— Что касалось их успехов в учебе, они его мало волновали. «Я не получил свидетельства об окончании школы, но тем не менее я не так уж плохо устроился!» — любил он повторять. Главным для него было их здоровье. Когда они подросли, он так волновался и так боялся дурных влияний, что запрещал дочерям проводить вечера вне дома. А они время от времени ему за это мстили, критикуя его новые работы. Это приводило Жана в ярость, но он был отходчив. Спустя немного, он говорил: «А собственно, что происходит в этом доме, почему на меня дуются?»

— Почему он не хотел, чтобы дети пошли по его стопам?

— Он считал, что труд актера слишком тяжел. Кроме того, случаи, когда детям выдающихся актеров удавалось сделать столь же блестящую карьеру, как их отцу или матери, можно пересчитать по пальцам. Талант лишь иногда передается по наследству. Наша старшая дочь, Флоранс, работает в кино, но по другую сторону камеры — ассистентом режиссера. Она работала вместе с отцом в его последней картине, он был счастлив. Флоранс обожает свою профессию, она дважды была ассистентом у Лелюша. Она ничуть не сожалеет о том, что не стала актрисой.

— Он говорил о смерти?

— Нет. Эту тему избегал, он боялся болезни, боялся стать калекой. В конечном итоге он умер так, как хотел, — внезапно, не осознавая этого.

— Как объяснить, что он завещал бросить свой прах в море?

— Однажды на могиле Фернанделя он услышал, как люди вспоминали: «Ты помнишь, каким смешным он был в картине...», «А там он сыграл хуже, чем в...» Их дискуссия напоминала обмен мнениями в фойе кинотеатра, они забыли, что находятся на кладбище. На Габена это произвело удручающее впечатление. Вернувшись, он сказал мне: «Когда я умру, я не хочу, чтобы люди приходили на мою могилу обсуждать мои роли. Бросьте мой прах в море, так по крайней мере мне будет спокойнее!» Его это волновало, и он часто говорил об этом близким. Поэтому, когда он скончался, мы исполнили его волю.

Публикацию подготовила
А. ШАШКОВА.